

У подножия дреантов извивались лозы. Их толстые плети обвивали древесные стволы, тянулись к верхним ветвям и удерживали в воздухе десятки плененных рыцарей.

Схватив добычу, побеги оцетинились рядами острых шипов, со скрежетом царапавших стальные доспехи. Зубчатые края широких листьев зависли у самых глаз оцепеневших воинов — одного легкого касания хватило бы, чтобы лишить их зрения или жизни.

В вышине пышно распускались цветы лозы; их соцветия покачивались на ветру, источая удушливо-сладкий аромат. Окутанные этим густым благоуханием, рыцари задыхались, их сознание туманилось.

Они висели вниз головой слишком долго. Тела постепенно затекли, руки и ноги потеряли чувствительность, и лишь испуганные взгляды метались из стороны в сторону. Никто не смел издать ни звука, страшась привлечь внимание исполинских стражей.

Едва угодив в западню, с десятков рыцарей обнажили мечи и яростно накинулись на путы, пытаясь прорубить брешь в живом кольце. Но силы были слишком неравны, и сопротивление оказалось напрасным.

Двое рухнули прямо под ноги дреантам; тяжелые корни раздавили их, превратив тела в кровавое месиво. Остальные послужили пищей для ненасытных лоз — их участь оказалась не менее жуткой.

Жестокий урок возымел действие.

Видя перед собой столь наглядную расправу, выжившие больше не смели шевелиться.

Лесной ветер шуршал листвой. Опустевшие доспехи покачивались на ветках, побрякивая сочленениями. Этот глухой, размеренный стук бил по натянутым до предела нервам пленных. Липкий страх и удушающая тяжесть давили на разум, грозя лишить рассудка.

Повиснув вниз головой под сенью вековых крон, рыцари лишь безмолвно молили небо, чтобы их выкуп оказался достаточно высок, дабы сохранить им жизнь.

А в вышине все еще бушевала битва. Гордый демонический дракон отказывался подчиниться.

Пытаясь сбросить Юнь Фэя, крылатый ящер крутился в безумных кульбитах, то взмывая стрелой в облака, то камнем устремляясь к земле. Мощные взмахи его перепончатых крыльев порождали ревущие вихри. На дне ущелья закручивались яростные смерчи; они проносились над руинами, вздымая тучи пыли и каменного крошева.

Град осколков с сухим стуком барабанил по каменистому руслу реки. Кое-какие камни долетали до входа в ущелье, заставляя висящих на деревьях рыцарей стонать от новых ушибов.

Юнь Фэй крепко вцепился в драконью чешую. В его ладони мгновенно проросло семя. Тонкие, но невероятно прочные побеги лозы стремительно вытянулись, обвили талию юноши и захлестнулись мертвой петлей вокруг шеи зверя, намертво связав всадника и его крылатого противника. Живые путы накладывались слой за слоем, сплетаясь в канат, который не перерубил бы и самый острый клинок.

Дракон рассекал облака, двигаясь с такой безумной скоростью, что его силуэт размывался в воздухе, но Юнь Фэй твердо стоял на чешуйчатой спине.

Чудовище яростно взревело и свечой ушло вверх, на лету изрыгнув струю смертоносного пламени. Едкое дыхание коснулось лозы. Охваченные черным огнем побеги обуглились, лопнули и полетели вниз, превращаясь на лету в пепел.

Однако самого Юнь Фэя защитил барьер из багрового света. Юноша не пострадал. Он поймал горсть кружащегося пепла, и в его глазах вспыхнул темный, зловещий рубиновый блеск.

Дракон инстинктивно почуял угрозу. Он попытался повторить маневр и перевернуться в воздухе, чтобы сбросить наездника. Но Юнь Фэй больше не тратил силы на призыв лоз. Он ухватился за край крупной твердой чешуйки на загривке монстра, пустив из пальцев алую магию, которая глубоко проникла под роговой панцирь и позволила закрепиться намертво.

Ящер взвыл и снова изрыгнул пламя, повернув массивную голову.

Но багровая пелена, окутавшая Юнь Фэя, надежно сдерживала испепеляющий жар. Одной рукой удерживая равновесие, юноша выхватил кинжал из тайного золота и с силой вогнал его в шею чудовища.

На лезвии ярко вспыхнули эльфийские письмена. Чистый белый свет хлынул прямо в рану. Сила первозданного света столкнулась с порождением тьмы, удваивая мучения зверя.

Когда дракон от невыносимой боли замедлил полет, Юнь Фэй убрал кинжал и обнажил тяжелый двуручный меч. Наполнив клинок магической силой, он принялся высекать на спине твари древние демонические узоры.

Одного эльфийского клинка было мало, чтобы забрать жизнь древнего чудовища. Очень скоро исцеляющий свет выгорел, рана окрасила черную чешую багровой кровью, и монстр окончательно обезумел от ярости.

Но Юнь Фэй оставался непоколебим. Как бы дракон ни извивался, какие бы мертвые петли ни выписывал в небесах, юноша сосредоточенно продолжал свою работу. В ушах стоял

непрерывный скрежет металла о кость. Под острием меча один за другим проступали угловатые символы, складываясь на чешуе в светящиеся цепи символов.

На фоне иссиня-черного панциря эти узоры сияли призрачным светом. Едва потоки энергии замкнулись в кольцо, демонический узор пробудился.

Взлев к самым облакам, дракон внезапно сложил крылья и камнем ринулся вниз. Прямо перед полуразрушенным склоном горы он резко развернулся боком, надеясь размазать наездника о торчащие острые скалы.

Лицо Юнь Фэя оставалось бесстрастным. Запустив пальцы прямо в кровоточащую рану на затылке зверя, он удержал равновесие и твердой рукой высек последние два штриха. Демонический узор замкнулся.

До смертоносного утеса оставались считанные метры. Стиснув зубы, Юнь Фэй прижал ладонь к узору и до капли выплеснул в него свою внутреннюю силу.

Дракон мгновенно оцепенел. Он почувствовал, как жизнь стремительно покидает его: высеченные на спине демонические узоры превратились в ненасытную бездну, вытягивающую магию во много раз быстрее, чем это было в Городе Черного Ущелья. Чудовище охватила дикая, беспомощная паника.

Знаки сияли все ярче. Светящиеся цепи символов отделились от чешуи и зависли в воздухе. Магический контур замкнулся, и с небес обрушился оглушительный водопад сладостей.

Дракон неся над ущельем, а вслед за ним тянулся густой шлейф из сыплющихся конфет.

Исполинский силуэт летел вперед, и каменистое русло высохшей реки стремительно заполнялось темными плитками, которые на глазах превращались в бурлящий кондитерский поток.

Старый дворф уже видел, как вырастают горы леденцов в Городе Черного Ущелья, но даже у него перехватило дыхание от этого зрелища. Те же дворфы, что оставались за пределами городских стен и столкнулись с подобным чудом впервые, ошарашенно протирали глаза, не веря собственному зрению.

Рыцари, позабыв о смертельной опасности, висели с разинутыми ртами.

С неба градом сыпались конфеты.

Неужели они все разом сошли с ума и видят один на всех безумный сон?

Ледяной демон стоял посреди новоявленной кондитерской реки и шумно сглатывал слюну, глядя на выросшие сладкие холмы. Он то переводил взгляд на небо, то опускал его на землю, пока наконец не выдержал. Запустив когтистую лапу в грудку сластей, он выудил одну конфету и закинул в пасть.

Иссиня-черная плитка легко хрустнула на зубах.

Но стоило вкусу раскрыться, как морда ледяного демона исказилась в ужасной гримасе. С громким плевком он выплюнул гадость и принялся судорожно облизываться.

Разве это сахар? Почему он такой омерзительный?

Заметив его реакцию, старый дворф подошел поближе. С любопытством подобрав одну темную конфету, он принялся, осторожно лизнул ее край — и глаза его восторженно округлились.

— Клянусь подземными богами!

Этот вкус... Этот забытый, терпкий аромат мгновенно воскресил в его памяти крепкий эль, который он пил в беззаботной юности. Рецепт того пойла был уникален, а редкие корни для него можно было добыть лишь глубоко под землей в Королевстве дворфов.

Старый дворф прижал конфету к груди как величайшее сокровище, а его седая борода довольно затрепетала.

Ледяной демон покосился на него со смесью брезгливости и недоумения. Не поверив своим глазам, он поднял еще одну плитку, засунул в пасть, но уже через пару секунд с отвращением выплюнул. Мерзость. Редкостная гадость!

И как только эти приземистые бородачи могут находить в ней прелесть? Разум ледяного демона отказывался это принимать.

В небесах тем временем окончательно иссякали силы грозного ящера. Лишившись колоссального количества магии, он все ленивее взмахивал тяжелыми кожистыми крыльями. Клубящийся вокруг его тела черный туман рассеялся без следа, и он не мог выжать из себя больше ни единой искры пламени.

А ущелье уже до краев заполнили кондитерские горы — результат работы прожорливого демонического узора.

В конце концов дракон окончательно потерял высоту. Крылья безвольно повисли, и огромное тело начало стремительно падать. Юнь Фэй, уверенно балансируя на его спине, вновь занес кинжал.

— Стой! — хрипло взревел дракон.

Но юноша даже не дрогнул. Острое клинка опустилось, оставляя глубокий порез на шее чудовища.

Дракон наконец осознал: этот безумный юнец действительно намерен его прирезать, и сил у него для этого предостаточно. Жизнь была слишком дорога, чтобы расставаться с ней из-за упрямой гордости.

— Я... покоряюсь!

Едва сорвавшись с драконьей пасти слова ознаменовали капитуляцию. Изнуренный монстр окончательно рухнул вниз, с глухим шумом зарывшись в кондитерские горы.

Послышался оглушительный грохот лавины: холмы рассыпались, и сладкие плитки хлынули во все стороны бурными потоками.

Юнь Фэй ловко соскочил со спины дракона и легко заскользил вниз по сладкому склону, приземлившись на ноги в безопасном месте.

Обернувшись, он не мог сдержать улыбки. Великий демонический дракон застрял в конфетных завалах вниз головой — наружу торчали только массивные задние лапы да толстый хвост. Зверь попытался перевернуться, но огромный вес сыграл с ним злую шутку: лапы вязли в конфетах, увлекая его все глубже.

После нескольких тщетных попыток выбраться дракон окончательно выдохся и, решив смириться со своей участью, затих под горой сладостей.

— Мой лорд!

— Господин Юнь Фэй!

Заметив, что юноша благополучно спустился, треанты дружной толпой ринулись в ущелье, заставив землю содрогаться от их тяжелой поступи. Висевшие на ветвях рыцари закачались из стороны в сторону подобно маятникам; перед глазами у них поплыли темные круги, а к горлу подступила тошнота.

Старый Люк бежал впереди всех. Заметив торчащую из конфетной кучи драконью тушу, он без колебаний опустил свою массивную, похожую на корягу стопу прямо на чешуйчатый зад монстра.

— Мой лорд, вы целы? О боги, вы ранены! — громогласно взревел старый Черной Сосны треант

Люк.

Улыбка сошла с его лица. Услышав о ранении своего повелителя, остальные великаны тут же обступили Юнь Фэя. Под тяжестью их корней конфетные горы с хрустом просели, и каждый из наступающих исполинов посчитал своим долгом наступить на несчастного дракона.

По ущелью прокатилась череда треска, хриплых вздохов и глухих ударов.

Сотня тяжелых деревянных ног методично втаптывала монстра в землю. Лежать без движения дракону больше не позволяли. Спасло его лишь то, что шкура у древних ящеров была на редкость прочной, иначе разъяренные древесные духи раскатали бы его в тонкую лепешку.

Но на этом экзекуция не закончилась.

Осмотрев кровоточащее плечо Юнь Фэя, трeanты пришли в неописуемую ярость. Их кроны зашумели, а длинные хвоинки грозно блеснули металлическим отливом. Древесные великаны впали в боевое безумие.

— Вытащить эту ящерицу! — скомандовал старый Люк.

Два могучих трeanта шагнули вперед, бесцеремонно схватили дракона за задние лапы и, точно гигантскую репку, выдернули его из кондитерского плена.

Монстра с силой швырнули на землю. Древесные великаны сомкнули кольцо, заслонив небо своими исполинскими кронами. Густая тень легла на поверженного ящера, и на него обрушился град безжалостных ударов.

Их было больше сотни. Едва уставала одна группа, ей на смену тут же приходила другая.

Когда разъяренные трeanты наконец разошлись, на драконе не осталось живого места — вся его шкура была усеяна отпечатками мощных корней, а голова распухла вдвое против обычного. Избитый зверь едва дышал. Но даже этого мстительным великанам показалось мало. Сорвав с ветвей прочные лозы, они спеленали дракона по рукам и ногам, а на пасть намотали три слоя колючих веревок.

Пострадавший монстр с трудом приоткрыл заплывший правый глаз и с бесконечной тоской уставился на Юнь Фэя, стоявшего к нему спиной.

О, как же он раскаивался! Насколько горьким было его сожаление!

Он-то считал себя самым свирепым существом на свете, но этот хрупкий юноша оказался во сто крат безжалостнее. Если тот обещал прирезать дракона — он шел и резал, без лишних слов

и компромиссов.

Такая пугающая жестокость невольно вызвала в памяти образ древнего Короля эльфов.

Неужели за долгие века его сна под землей мир настолько изменился, а внешние королевства заполонили чудовища, способные шутя подчинить себе даже великого дракона?

Юнь Фэй не обращал на пленника внимания. Он с любопытством рассматривал на свет темную плитку лакричного сахара, слушая, как ледяной демон в красках расписывает ее отвратительный вкус.

— Неужели и правда настолько мерзко? — Юнь Фэй пальцами разломил плитку, стряхнул крошки, но не заметил ничего необычного.

— Редкая гадость! — убежденно закивал ледяной демон. Он и помыслить не мог, что сладости бывают такими отвратными.

— Вовсе нет, мой лорд! Этот сахар — истинный деликатес! — горячо возразил старый дворф. Ради защиты кулинарной истины он даже позабыл о своем страхе перед огромным ледяным демоном и сердито уставился на того снизу вверх.

Спор разгорался с новой силой. Устав слушать препирательства, Юнь Фэй решил составить собственное мнение. В конце концов, это ведь сахар — каким бы странным он ни был, не отравит же.

Но уже в следующую секунду юноша горько пожалел о своем легкомыслии.

Стоило лакричной плитке коснуться языка, как по телу пробежала дрожь, а в нос ударил резкий, удушливый запах. Вкус был неопишуем: представьте себе смесь мелко нарезанного аниса с пережженным сахаром, обильно приправленную древесным углем. Подобный гастрономический кошмар врезался в память раз и навсегда.

Конфета быстро таяла. Зажмурившись, Юнь Фэй с трудом проглотил вязкую массу, чувствуя, как на глазах наворачиваются слезы.

Кто бы мог подумать, что драконья магия превратится в обыкновенную черную лакрицу!

— Мой лорд, должно быть, вам просто непривычен этот вкус, — мягко заметил старый дворф, сообразив, что далеко не все расы разделяют их гастрономические пристрастия. Дворфы же, напротив, обожали лакрицу, и одно лишь воспоминание о ее резком вкусе заставляло их пускать слюнки.

Юнь Фэй не мог выдавить ни слова. Ему срочно требовалось съесть что-то нормальное, чтобы перебить это кошмарное послевкусие.

— Подойди-ка, — поманил он ледяного демона.

Взмахом руки юноша начертил в воздухе два демонических узора и один за другим мягко опустил их на широкий лоб чудовища. Тотчас из сияющих рун посыпался чистейший, искрящийся на солнце белый сахар. Юнь Фэй подставил ладони, подхватил горсть белоснежного лакомства, съел пару кусков, а остальное небрежно бросил ледяному демону.

Треанты даже ухом не повели — для них подобные фокусы хозяина давно стали привычным делом.

Зато дворфы застыли с разинутыми ртами, не в силах вымолвить ни слова. Могущество этого юного правителя потрясало воображение: столь колоссальной магической силой во всем королевстве могли похвастаться лишь единицы.

И этот безумец, Лорд Акации, действительно рассчитывал отобрать у него земли? Похоже, полуводяные демоны окончательно лишили его разума своим ядом.

Повисшие на деревьях рыцари судорожно сглотнули. И дело было вовсе не в сладком сахаре — их сковал первобытный, леденящий душу ужас.

Одолеть древнего дракона, приручить ледяного демона... Существует ли вообще в этом мире хоть что-то, неподвластное юному лорду? Вражда с таким человеком была чистейшим самоубийством.

— Мой лорд, что делать с этими конфетами? — деловито осведомился Люк.

— Соберите все до единой, — распорядился Юнь Фэй.

Лакричный сахар — это все же сахар, а разбрасываться ценными ресурсами он не привык. Раз уж дворфы находят в этом вкусе особую прелесть, значит, при правильном подходе этот товар можно выгодно сбывать за очень приличные деньги.

Юнь Фэй подошел к заваленному камнями входу в городские ворота.

— Сможем расчистить?

Люк приблизился к груде обломков и на несколько минут замер, запустив глубоко под землю свои толстые корни. Вернувшись к реальности, он покачал головой:

— Сверху пробиться не выйдет, завал слишком плотный. Но мы можем прорыть ход снизу. Рухнувший склон похоронил старые входы, раскапывать их вручную — пустая трата времени. Проще пробить новый путь.

— Сколько на это уйдет времени? — спросил Юнь Фэй.

— Потребуется около половины дня, — ответил треант.

Решение было принято. Юнь Фэй приказал копать подземный ход, а часть треантов оставить дежурить в ущелье.

Этот проход вел напрямик во Владение Акации. Отличная позиция для создания военного плацдарма. Лорд Сандрис даже представить не мог, что в тот самый момент, когда он строит планы по захвату Владения Снежной Сосны, его собственная крепость окажется под угрозой сокрушительного удара с тыла. Хищник стремительно превращался в добычу.

Пока треанты усердно трудились у завалов, дворфы вызвались им помочь. Юнь Фэй тем временем подошел к распростертому на земле дракону. Слегка пнув чешуйчатый хвост зверя, он легким движением руки ослабил лозы на его морде.

— Ну что, подумал? Готов покориться?

Жизненная сила древних рептилий была феноменальной: раны на теле ящера затягивались прямо на глазах, его внутренняя магия восстанавливалась, а в налитых кровью глазах вновь заплясали недобрые огоньки.

Юнь Фэй лишь усмехнулся. Даже не убирая рук, он мгновенно затянул лозы обратно, намертво стянув пасть зверя. Затем он обошел его сбоку, прижал ладонь к высеченным на чешуе рунам и вновь пробудил демонический узор. В небеса опять заструился шлейф из конфет.

У дракона потемнело в глазах.

Он совсем позабыл, что проклятые демонические узоры высечены прямо на его панцире! Этот парень мог активировать их в любой момент. Избавиться от узора можно было лишь одним способом — вырвать чешую с мясом. Но роговые пластины у драконов росли невероятно медленно. Решись он на это, ему бы пришлось ходить позорно лысым не одно столетие.

Монстр отчаянно замычал, пытаясь что-то сказать, но путы держали крепко. Чем сильнее он извивался, тем сильнее колючие лозы врезались в кожу.

— Не трать силы попусту, — Юнь Фэй почувствовал усталость в ногах и без церемоний облокотился на чешуйчатый бок дракона. В таком положении вытягивать магию из зверя было куда удобнее, да и буйный нрав пленника это умирало отлично.

Ледяной демон с довольным хрустом грыз сахар, с ухмылкой наблюдая за жалкими попытками некогда грозного чудовища сопротивляться.

Еще сегодня утром он испытывал перед драконами священный, заложенный в генах трепет. Но теперь от этой вековой робости не осталось и следа. Подумать только, этот несчастный ящер когда-то считался вершиной эволюции! Смех, да и только.

При следующей встрече с огненными демонами он будет смотреть на них исключительно свысока. И пусть попробуют заикнуться о своем элитном статусе — его господин может в одиночку скрутить саму смерть в драконьем обличе!

При поддержке дворфов треанты продвигались невероятно быстро. Из прохода извлекли последние мешающие валуны, укрепив свод толстыми переплетенными ветвями. Цветы лозы, распутившиеся прямо на стенах, озарили мягким светом прорубленный в толще горы лаз. На каменных стенах отчетливо проступили следы старой проходки.

— Это древний дворфийский штрек, ведущий напрямик к внутренним кварталам, — пояснил старый дворф. Его соплеменники не участвовали в разработке этой конкретной шахты, однако основы горного дела знали назубок. Работая плечом к плечу с могучими древесными великанами, они двигались вперед с феноменальной скоростью.

— Проход узковат, смотрите под ноги. Впереди развилка. Если копать глубже, там должны остаться следы драконьих когтей, — старый дворф уверенно шагнул первым, освещая путь набалдашником своего посоха. Следом за ним шли семеро его братьев, периодически простукивая породу кирками и сверяя направление по звуку.

Юнь Фэй следовал за проводниками. На его плечах уютно устроились две пушистые лозы, свернувшиеся в светящиеся зеленым светом шары.

Ледяной демон и треанты остались караулить вход в тоннель, присматривая за пленным драконом и подвешенными рыцарями.

Юнь Фэй не спешил связывать себя узами контракта с древней рептилией. Пока зверь не сломлен до конца, любая ментальная связь таит в себе смертельную угрозу предательства. Гораздо разумнее было измотать его до предела. А если строптивый дракон так и не покорится — что ж, Юнь Фэй просто высосет его магию досуха и прирежет. В любом случае он останется в выигрыше.

Лежавший снаружи дракон внезапно вздрогнул от прокатившейся по телу ледяной волны. Неведомое предчувствие скорого конца заставило его шкуру покрыться мурашками.

Инстинкты прямо кричали: если он не хочет закончить свои дни в качестве бесславного мясного трофея, нужно немедленно, как можно скорее, склонить голову перед этим беспощадным юношей и скрепить союз клятвой крови.

<http://bllate.org/book/18992/1963778>